

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ: РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ НА РУБЕЖЕ 2010–2020-Х ГОДОВ

Александр Фокин, Дмитрий Козлов

Александр Фокин, Школа исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета. Адрес для переписки: ТюмГУ, ул. Пржевальского, 37, корп. 1, ауд. 112, Тюмень, 625023, Россия. a.a.fokin@utmn.ru.

Дмитрий Козлов, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Старая Басманная, 21/4, корп. А, каб. А-314, Москва, 105066, Россия. dskozlov@hse.ru.

Статья подготовлена в рамках совместного проекта Института гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ и Антропошколы ТюмГУ «Поздне/Постсоветское: ценности, практики, акторы» (Программа «Зеркальные лаборатории») и гранта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

В статье приводится анализ развития *memory studies* в России с 1980-х по сегодняшний день, определяется степень его связи с такими исследовательскими направлениями, как устная история, новая имперская история, новая интеллектуальная история. Ключевой вопрос для авторов – как в условиях «мемориального бума», повышенного общественного внимания к «сложным вопросам прошлого» – Великой Отечественной войне и политическим репрессиям в СССР – происходит переопределение профессиональным сообществом историков России своей роли в пространстве публичных дискуссий. В качестве материала для анализа выбраны несколько книг об исторической памяти и исторической политике, изданных в последние годы на русском языке.

Особый акцент делается на анализе трех книг: «Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах» Николая Эппле; «Памятник и праздник: этнография Дня Победы» (ред. Михаил Габович); «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» (ред. Алексей Миллер и Дмитрий Ефременко). Выбранные книги, на наш взгляд, ярче всего показывают, как происходило переопределение профессиональным сообществом историков России своей роли в пространстве публичных дискуссий. Используя метафору «витязя на распутье», мы хотим показать, что перед нами три модели не только академической дискуссии о подходе к *memory studies*, но и перехода исследователей в позицию акторов исторической политики.

На основе анализа этих книг можно выделить характеристики, которые определили роль историков, занимающихся проблемами памяти, в пространстве публичных дискуссий к началу 2022 года: 1) выход *memory studies* за пределы академического сообщества в более широкий общественный контекст, вследствие чего

происходит переход от истории памяти к публичной истории, а сами авторы обсуждаемых работ из аналитиков превращаются в участников формирования исторической политики; 2) появление больших коллективных проектов, которые позволяют охватить обширную географию памяти и тем самым зафиксировать и показать значимость локальной специфики коммеморативных практик; 3) преодоление замкнутости рефлексии о памяти в рамках национальных границ и формирование компаративистских исследований; 4) отказ от поиска универсальной модели памяти и признание внутренней дифференцированности поля.

Ключевые слова: memory studies; Великая Отечественная война; историческая память; историческая политика; история СССР; «мемориальный бум»; политические репрессии в СССР; публичная история

Первый вариант этого текста был готов в начале 2022 года, когда академический разговор о связи истории, исторической памяти и современности представлял собой, в первую очередь, историографическую дискуссию, которая хотя и оставалась ожесточенной, была ограничена прежде всего страницами специализированных и популярных изданий, а также лентами социальных сетей ее участников. Мало кто мог предположить, что нам самим придется оказаться внутри событий, которые, без сомнения, пополнят перечень «трудных страниц отечественной истории». 2022 год отчетливо показал, что «войны памяти» могут если не привести, то подготовить рамки восприятия и оправдания реальных конфликтов. Так, 21 февраля 2022 года в свое обращение по поводу признания Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики Президент России Владимир Путин включил обширный исторический блок, в котором он рассуждал, в частности, о роли большевиков в образовании Украины. Его обращение о начале спецоперации на территории Украины 24 февраля содержало отсылки к итогам Второй мировой и холодной войн.

Общественный интерес к истории, заметно усиливающийся в периоды политических изменений, поддерживается не только «вертикально» (через риторические обращения власть предержащих к страницам прошлого и через воплощенную в институтах и практиках историческую политику), но и «горизонтально» (через общественные инициативы по изучению и популяризации истории и обращение лидеров общественного мнения к прошлому). Академические историки при всем желании не могут остаться в стороне от нынешних публичных исторических дебатов о советском прошлом, которые обозначаются некоторыми исследователями как новый «мемориальный бум» (Николаи 2021; Сафронова [2019] 2020). Более того, академические публикации вызывают интерес читательской аудитории, гораздо более широкой, чем та, для которой они изначально задумывались, и конкурируют за ее внимание с исторической публицистикой, посвященной тем же проблемам (Еремеева 2021; Махотина 2020; Мерридейл [2001] 2019; Степанова 2017; Флиге 2019; Эткинд 2016)¹. С одной стороны, они дают некоторые

¹ Этому способствует и то, что специалисты по исторической памяти и исторической политике (Иван Курилла, Николай Эппле) регулярно выступают в качестве публичных экспертов в популярных медиа.

ключи к пониманию актуальной политики, с другой стороны, превращаются для многих в своеобразные учебники, объясняющие смысл таких понятий, как «историческая память/политика», «коллективная вина/ответственность», «государственное насилие». Изучение культуры исторической памяти приобретает, таким образом, не только интеллектуальный, но и своего рода терапевтический смысл, позволяет если не проработать травмирующий исторический опыт, то хотя бы осознать его болезненность.

Тот факт, что в условиях современного «мемориального бума» отечественные специалисты в области *memory studies* сохраняют свой вес в качестве публичных экспертов, конкурируя с различными акторами исторической политики (от представителей государственной власти до YouTube-блогеров), можно считать одним из итогов формирования за 30 постсоветских лет самостоятельного поля исследований исторической памяти / исторической политики. Его картографированию посвящена первая часть статьи. Выбирая для обзора из многочисленных публикаций об исторической памяти / исторической политике исследовательские работы, мы также ориентировались на общественную значимость академических исследований, поэтому отдали предпочтение свежим русскоязычным исследованиям, которые могут быстрее выйти за пределы внутрицехового обсуждения и вызвать широкий читательский интерес (на самом деле – уже вышли и вызвали). В свою очередь среди них мы выбрали публикации, сопоставляющие российский опыт работы с исторической памятью с тем, как «трудные страницы прошлого» осмысляются в других странах, поскольку возможность рассмотрения отечественной мемориальной ситуации в различных компаративных контекстах позволяет преодолеть некоторые сложившиеся за десятилетия историографические клише.

MEMORY STUDIES ПО-РУССКИ. НЕПОДВЕДЕННЫЕ ИТОГИ

До февраля 2022 года отечественное поле *memory studies* можно было бы охарактеризовать как устойчиво развивающееся, однако теперь предположить темпы и направления его движения трудно, если не невозможно. Однако наличие определенных исследовательских традиций, сформированного интеллектуального канона, сложившегося сообщества исследователей, среди которых есть признанные авторитеты, и сети специализированных институций позволяет видеть целью этой статьи попытку зафиксировать состояние *memory studies* в России на важном для этого направления этапе.

В условиях неразвитости в России публичной политики дебаты о прошлом в который раз в отечественной истории становятся способом осмыслить актуальную политику и говорить о настоящем. Любое заметное публичное высказывание об этих темах вызывает ожесточенное обсуждение, сводящееся во многом к спору о том, «прав» или «неправ» автор публикации, «очерняет» он или она историческую действительность или «лакирует» ее.

Инициаторами наиболее острых дискуссий о «непростых страницах прошлого», как правило, выступают не академические историки, а политики, журналисты, блогеры, авторы художественных фильмов и сериалов. Самым известным приме-

ром может служить фильм Юрия Дудя² «Колыма – родина нашего страха» (Молотов, Максимова и Хлевнюк 2021), но помимо этого исторические ролики активно снимают Максим Кац³, Сергей Минаев, Дмитрий Пучков, Сергей Смирнов⁴ и другие авторы. В современном мире именно умение работать с информационными потоками оказывается решающим фактором. Блогеры на различных площадках начинают играть заметную роль в формировании коллективной памяти именно потому, что они могут создавать продукт, который способен собрать тысячи и миллионы просмотров.

На фоне успеха подобных проектов в области публичной истории становится заметно и изменение роли академического сообщества историков по сравнению с предыдущим мемориальным бумом рубежа 1980–1990-х (Копосов 2011:111–136; Smith 1996). Тогда, в годы перестройки и в эпоху «архивной революции» 1990-х историки знакомили поздне-/постсоветское общество с «белыми дырами» и «черными пятнами» отечественной истории: публиковали рассекреченные документы, готовили статьи и монографии по еще недавно запрещенным к изучению темам, выступали в СМИ в качестве экспертов. Последние же несколько лет в фокусе исследований историков оказываются не только «проблемные» сюжеты отечественной истории, но и то, как формируется, транслируется, искажается и интерпретируется память о прошлом. Можно с уверенностью утверждать, что уже исследования исторической памяти и исторической политики создали новое, динамично развивающееся академическое поле.

При этом, хотя еще с первой половины 1980-х моральное и политическое осмысление проблемных страниц прошлого оставалось прерогативой писателей, публицистов, кинорежиссеров и представителей общественных организаций⁵, историки эпохи перестройки не устранились от участия в общественно-политических дискуссиях. Этому способствовало и участие профессиональных историков в работе новых общественных организаций (так, одним из основателей, а с 1998

² Министерство юстиции РФ считает Юрия Дудя иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента (дата включения в реестр – 15 апреля 2022 г.).

³ Министерство юстиции РФ считает Максима Каца иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента (дата включения в реестр – 22 июля 2022 г.).

⁴ Министерство юстиции РФ считает Сергея Смирнова иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента (дата включения в реестр – 29 сентября 2021 г.).

⁵ Так, изобретенное Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день» (1980) слово «манкурт» вошло в русский язык для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями; роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» (1981–1984), осмысляющий дореволюционную российскую историю, дал название ультраправой монархической организации, а кинофильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984) во многом сформировал риторические приемы либерально-демократического осмысления сталинских репрессий.

года главой Международного общества «Мемориал»⁶ был историк Арсений Рогинский, а в состав общества входили многие участники и авторы вышедшего в начале 1980-х самиздатского исторического сборника «Память» (Мартин и Свешников 2017), и освоение историками новых методов исследования, предполагающих обращение к эго-документам и устным воспоминаниям.

В методологическом плане формированию поля исследования коллективной памяти в России содействовало формирование новых предметных полей, в которых история взаимодействовала с этнографией, социологией, историей науки и другими социальными и гуманитарными направлениями. Прежде всего среди этих направлений стоит упомянуть устную историю, которая как метод также получила распространение на рубеже 1980–1990-х годов. Так, возникновение клуба устной истории в Московском государственном историко-архивном институте, проекта «Народный архив», а затем Лаборатории устной истории в РГГУ Татьяна Щеглова связывает как с участием историков в общественно-политических дебатах эпохи перестройки, так и со сбором полевых материалов об активно обсуждавшихся в то время событиях прошлого (Щеглова 2017:70). В Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) в то время также действовал Центр устной истории, ориентированный на развитие этой области исследований в международном контексте (87). Впоследствии многие сотрудники этого центра обратились к проблемам исторической памяти (Чуйкина 2006; Воронина 2018; Мельникова 2019), и на данный момент этот университет является одним из главных центров по изучению коллективной памяти в России.

Полевые исследования по сбору интервью ставят перед исследователем вопросы не только о том, как респонденты помнят, но и как они воспринимают историю. Как отмечает Евгений Ростовцев: «*Oral history* по отношению к *memory studies* выступает как бы в трех ипостасях – родственной дисциплины с частично совпадающим научным полем, метода и объекта исследования» (2018:537)⁷. Методы устной истории использовались и социологами. Примером здесь могут быть работы Елены Рождественской, которая реализовала несколько проектов, посвященных исторической памяти и политикам мемориализации военных конфликтов. Важную роль в развитии этого поля исследований сыграли работы сотрудников Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (Бориса Гладарева, Елены Богдановой, Елены Никифоровой и др.).

Другая крупная линия формирования *memory studies* в 2000–2010-х годах, которую можно обозначить как академическую, связана с работой Лорины Репиной, деятельностью Российского общества интеллектуальной истории и журнала «Диалог со временем». Эта линия была связана прежде всего с актуализацией

⁶ Министерство юстиции РФ считает Международную общественную организацию «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”» некоммерческой организацией – иностранным агентом (дата включения в реестр – 4 октября 2016 г.).

⁷ Удачным примером пересечения *oral history* и *memory studies* можно считать специальный выпуск журнала «Laboratorium» (№ 1 2015 г.) о ГУЛАГе, в котором представлены статьи, основанные на интервью, но уделяющие внимание мемориальным нарративам и практикам.

концепций памяти как инструмента изучения истории, исторического знания. Результаты работы связанного с этой линией круга исследователей отразились в текстах сборников, целью которых было продемонстрировать широкую панораму типов исторического знания, воспроизводства представлений о прошлом как на Западе и Востоке, так и в России (Репина 2003, 2006, 2007, 2010).

Еще одним полем, которое повлияло на формирование российских *memory studies*, стали исследования наций и империи, главным локомотивом которых выступил журнал «Ab Imperio». Так, в 2004-м тема годовой программы журнала была сформулирована как «Археология памяти империи и нации: конфликтующие версии имперского, национального и регионального прошлого», а в 2011 году на основе этого подхода редакторы «Ab Imperio» подготовили сборник статей «Империя и нация в зеркале исторической памяти» (Герасимов, Могильнер и Семенов 2011). В его основе лежала идея осмысления концепции мест памяти Пьера Нора и связи коллективной памяти с формированием нации. Учитывая критику проекта Пьера Нора, направленного на демонстрацию целостности «национальной памяти», авторы «Ab Imperio» стремились показать решающее значение имперского опыта в формировании российской коллективной памяти, подчеркнуть ее внутреннюю конфликтность и неоднородность.

Двумя основными импульсами, инспирировавшими формирование российских *memory studies* в их современном состоянии, стали дискуссии по поводу памяти о Второй мировой войне, с одной стороны, и памяти о репрессиях – с другой. Важную роль в оформлении первого направления сыграл подготовленный в 2005 году совместно с германским ежегодником «Osteuropa» специальный выпуск журнала «Неприкосновенный запас», посвященный 60-летию окончания Второй мировой войны. Позднее этот спецномер (под ред. Михаила Габовича) был издан отдельной книгой (Габович 2005). В этих изданиях и инициированной ими дискуссии были поставлены важные вопросы о роли Второй мировой войны в российской политической и мемориальной культуре, о современных трансформациях образа войны и соотношении в нем героических и трагических моментов, а также о соотношении памяти о войне и памяти о репрессиях. Этим издание во многом определило и перспективу рефлексии о российской исторической памяти, в которой ключевое место занимало осмысление ее в контексте немецкого опыта проработки прошлого. До некоторой степени откликом на эту дискуссию можно считать появление в издательстве «Новое литературное обозрение» книги Николая Копосова «Память строгого режима: история и политика в России» (2011), в которой с опорой на материалы социологических исследований была предложена попытка критического осмысления памяти о репрессиях. Еще одним примером захода социологии в анализ памяти могут считаться исследования Льва Гудкова (2005). Развивая эту линию, издательство выпустило серию работ одного из классиков современных *memory studies* Алейды Ассман, которая осмысляет текущую ситуацию с мемориальной культурой в мире в целом и в Германии в частности, фокусируясь на проблематике трудного прошлого.

В 2010-е годы можно говорить о разворачивающейся институционализации исследований памяти в российском интеллектуальном поле, симптомом чего

можно считать появление специализированных исследовательских центров и образовательных программ. Не только в столицах, но и в регионах прежде всего исторические факультеты делают ставку в подготовке студентов именно на это направление. Соответствующие магистерские программы открыты в ЕУСПб («Современные подходы к изучению политики памяти и культурной политики»), Ярославском государственном педагогическом университете («Публичная история»), Казанском федеральном университете («Публичная история: современные нарративные и визуальные практики»), Российском государственном гуманитарном университете («Политика памяти: Холокост и геноциды»), Московской высшей школе социальных и экономических наук (Шанинке) – совместно с Университетом Манчестера («Public History. Историческое знание в современном обществе»).

Помимо образовательных программ можно увидеть и другие формы институционализации изучения коллективной памяти. В ЕУСПб работает Центр изучения культурной памяти и символической политики (следует также отметить, что сотрудниками университета, не связанными напрямую с центром, были подготовлены две важные книги: Юлия Сафронова ([2019] 2020) написала учебное пособие по исследованию памяти, а Иван Курилла (2022) – монографию про историческую политику). В Институте гуманитарных и историко-теоретических исследований НИУ «Высшая школа экономики» реализуется проект «Представления о прошлом в российской публичной сфере: институциональные рамки воспроизводства и каналы коммуникации». На базе Санкт-Петербургского государственного университета разрабатывается «Карта памяти современного российского общества», целью которой является реконструкция наиболее значимых образов отечественной истории в массовом сознании россиян конца XX – начала XXI века. В Южном федеральном университете была создана Лаборатория изучения коллективной исторической памяти. Помимо этого во многих университетах России читаются отдельные курсы, посвященные коллективной памяти; регулярно проходят разнообразные конференции; реализуются краткосрочные исследовательские проекты, которые, к сожалению, как правило, завершают свою работу после прекращения грантовой поддержки.

Важным показателем качественного роста поля является появление специализированных академических журналов в области *memory studies*. Тематические выпуски гуманитарных периодических изданий выходят с достаточной регулярностью на протяжении последних 20 лет, а в последнее десятилетие появилось два журнала, которые видят исследования памяти своей основной темой. С 2014 года в бумажном и электронном виде издается «Историческая экспертиза» (научный руководитель Сергей Эрлих), где не только публикуются исследования глобальной, национальной и локальной памяти, но и регулярно печатается большой блок рецензий. В 2020 году на базе журнальной серии по общественным наукам «Известий Уральского федерального университета» было запущено электронное издание «Tempus et Memoria» (гл. ред. Даниил Аникин), позиционирующее себя как «единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпорально-

сти». Интересно, что именно в этом журнале опубликован диалог Алексея Миллера и Ольги Малиновой, в котором они пытаются осмыслить подходы к памяти о 1990-х годах, что уже переносит *memory studies* на постсоветский период («После конференции о памяти 1990-х» 2021). Хотя претензии редакции на уникальность издания не вполне оправданы, подобные споры о первородстве свидетельствуют о том, что поле *memory studies* уже настолько сформировалось и автономизировалось, что в нем можно обнаружить описанные Пьером Бурдые (2001:64–71) две стратегии накопления научного капитала. Авторитетным представителем научного направления может быть и автор авторитетных исследований, и ученый, принадлежащий к авторитетной академической структуре (кафедре, научному центру, редакции).

Ряд особенностей российского поля изучения коллективной памяти можно отметить и в сложившихся интеллектуальных традициях. Как и в любой другой области, в *memory studies* сформировался своеобразный «пантеон» авторов, без ссылок на которых не обходятся публикации по теме. В отечественном каноне, помимо классических трудов Яна Ассмана, Пьера Нора и Мориса Хальбвакса, заметное место занимают работы Алейды Ассман, что, вероятно, связано с редакционной политикой «Нового литературного обозрения», одного из самых авторитетных российских гуманитарных издательств. При этом русскоязычные авторы практически не стремятся выйти за пределы языка, сформированного классиками. Отсутствие методологической рефлексии и критического переосмысления трудов западных авторов может быть связано с тем, что через укрепление их авторитета происходила связь с «большой исторической наукой» и формирование поля внутри России. Другой особенностью большинства отечественных исследований можно назвать превалирование изучения дискурсов и нарративов в ущерб анализу социальных практик.

Как и в других странах, обращение к прошлому в современной России оказывается одним из важнейших символических ресурсов, который используют в своих целях различные группы и институты. Наблюдаемое с начала 2000-х годов активное включение исторической политики в арсенал инструментов управления различными государствами (Миллер 2016) ставит под вопрос саму возможность для историка занять «остраненную», «объективистскую» позицию в условиях, когда различные акторы исторической политики вырабатывают противоречащие друг другу однозначные ответы на вопрос «О чем и как необходимо помнить?» и стремятся как минимум к дискурсивному подавлению оппонента.

Наиболее строгий режим исторической политики устанавливается в последнее десятилетие в нашей стране. Явное стремление российского государства контролировать изучение, преподавание и интерпретацию истории направлено на формирование разделяемого всеми гражданами образа отечественной истории. В разное время этой цели пытались достичь с помощью организации специального института (Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, 2009–2012 годы), поощрения деятельности прогосударственных некоммерческих организаций (например, Российского военно-исторического общества), создания системы специализированных образовательно-развле-

кательных «Исторических парков»⁸. Подобные шаги предпринимают правительства и других государств, проводящих активную историческую политику, однако существенным отличием российской ситуации является применение юридических мер контроля и наказания, не связанных с историей напрямую, но направленных на осложнение работы историков и исследовательских институций, вплоть до уголовного преследования ученых, краеведов и активистов⁹.

Очевидно, что исследовательское пространство *memory studies* в России не может оставаться прежним после того, как 28 февраля 2022 года Верховный суд РФ удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ о ликвидации международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”» (старейшей российской НКО, одной из главных целей которой является сохранение памяти о жертвах политических репрессий и изучение советской репрессивной политики). Формальной причиной для судебного разбирательства является несоблюдение «Мемориалом» норм законодательства об иностранных агентах, однако сделанное на суде представителем стороны обвинения Алексеем Жафяровым замечание о том, что организация «создает лживый образ СССР как террористического государства» («Выступления сторон» 2021), позволяет предположить, что позиция «Мемориала» по вопросам советской истории является как минимум столь же важной причиной его преследования, сколь и отсутствие иноагентской маркировки на его печатных материалах.

Несмотря на то, что предсказать сейчас, как именно будет развиваться историческая политика Российской Федерации в ближайшее время, достаточно сложно, кажется полезным попытаться осмыслить некоторые итоги развития *memory studies* в России. Не имея возможности осветить все значимые публикации последнего времени, мы решили остановиться на трех работах, в которых намечены важнейшие для этого поля линии развития.

Книга Николая Эппле претендует не только на осмысление исторической политики российского государства в отношении «репрессий», но также на расширение горизонта осмысления этой политики, включение в него моделей работы с трудным прошлым в различных обществах. Кроме того, автор выбирает популярный формат изложения и, стремясь инициировать общественную дискуссию, выступает в роли публичного историка. Сборник под редакцией Михаила Габовича обращен к другой важнейшей для российских исследований памяти теме – памяти о Второй мировой войне. Целью коллективного проекта, результаты которого обобщаются в текстах сборника, было стремление перевести обсуждение этого сюжета из области исторической политики в область исследования популярной культуры, задействовать ресурсы этнографического наблюдения для осмысления практик празднования военных юбилеев. Наконец, третья работа – сборник под редакцией

⁸ С детальным анализом исторической политики РФ и деятельности отдельных ее акторов в 2000–2010-х можно познакомиться в работе Николая Копосова (2011:137–180, 228–255) и в главах рецензируемой в этой статье коллективной монографии (Миллер и Ефременко 2020:74–248).

⁹ Наиболее резонансным является уголовное преследование карельского историка Юрия Дмитриева (Буртин 2017).

Алексея Миллера и Дмитрия Ефременко – делает акцент на картографировании мемориального ландшафта, осмыслении того, как память формируется и функционирует в определенных институциональных рамках. Выбранные работы позволяют осмыслить тематические, методологические и коммуникативные векторы, определяющие работу исследователей исторической памяти в России, и, на наш взгляд, ярче всего показывают, как происходило переопределение профессиональным сообществом историков России своей роли в пространстве публичных дискуссий. Используя метафору «витязя на распутье», мы в своем анализе хотим показать, что перед нами три модели не только академической дискуссии о подходе к *memory studies*, но и перехода исследователей в позицию акторов исторической политики.

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКА: ВОЗМОЖНОСТЬ НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ В MEMORY STUDIES

Книга Николая Эппле «Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах» (2020), продолжившая серию посвященных проблемам исторической памяти публикаций издательства «Новое литературное обозрение», оказалась заметным явлением в гуманитарной жизни России. Признанием и свидетельством своевременности работы можно считать то, что за два года она была трижды переиздана и стала лауреатом престижных литературных и интеллектуальных премий: премии «Просветитель» в номинации «Гуманитарные науки» (2021) и VI Публицистической премии «ЛибМиссия» в номинации «Аналитика» (2021). Работа представила новый подход к теме осмысления советского прошлого, и довольно неожиданным оказался тот факт, что ее автор – не профессиональный историк, а специалист по западноевропейской литературе и переводчик англоязычных классиков на русский язык. В книге Николаю Эппле важно обозначить личное понимание прошлого и на основе этого уже выстраивать аргументацию. У автора нет стремления дистанцироваться от объекта анализа и соблюсти традиционные требования «объективности». Николай Эппле использует обширный фактический материал, которым он подкрепляет свою позицию, но при этом не создается впечатления, что факты подтягиваются под авторское видение прошлого. Такой синтез авторской позиции, обилия интересных фактов и отличного стиля гарантирует расположение и интерес широкого читателя, но создает определенные трудности при попытке анализа книги, исходя из привычных рамок академического исследования. При этом следует отметить, что в последнее время в рамках обсуждаемого направления (анализ памяти) вышел целый ряд работ (можно назвать книги Ивана Курилы, Светланы Еремеевой, Александра Эткинда и др.), в которых авторы отходят от позиции строгого академизма и переходят к приемам публицистики и эссеистики, ориентируясь на более широкий круг читателей.

Эппле сравнивает российские проблемы проработки прошлого с тем, как проходили общественные дискуссии о государственных преступлениях и как выстраивалась историческая политика в Аргентине, Испании, ЮАР, Польше, Германии и Японии. Столь широкий географический охват в первую очередь выделяет эту работу из общего ряда, поскольку до сих пор российские работы о коллективной памяти были

«германоцентричны». Опыт целенаправленных действий правительства, академического сообщества и общественных организаций ФРГ в области проработки памяти о периоде нацизма в отечественной литературе превратился в своего рода эталонную модель, по которой предполагается выстраивать российские действия в этом направлении. Показательным примером в этом смысле является сборник «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа». В сборнике представлено несколько сюжетов, касающихся некоторых европейских стран, однако основная логика работы – сравнение политики памяти в РФ и ФРГ. Работа Николая Эппле дает возможность выйти за рамки бинарной оппозиции «Германия (=успех) / Россия (=неудача)» и посмотреть, как различные страны работают со своим «трудным прошлым». В более широкой перспективе становится очевидно, что осмысление массового государственного насилия оказывается проблемой для многих обществ, и в этом плане успехи германской модели (хотя сейчас все активнее звучат призывы к тому, чтобы пересмотреть абсолютизацию немецкой модели работы с прошлым) выглядят скорее как исключение, чем как правило. Отметим, что в исследование Эппле не вошел анализ китайской модели работы с прошлым, крайне важной, по мнению самого автора, для понимания российского контекста. Китайская модель предлагает сохранить официальное признание и даже почитание заслуг основателя Коммунистической партии Китая, председателя Мао, но осудить политику «культурной революции» и «большого скачка» как негативный опыт массового государственного насилия. Такой подход позволяет современному Китаю сохранить преемственность со своим революционным прошлым, одновременно отрицая подобные методы как ориентиры для управления обществом в настоящем и будущем. Возможно, именно рассмотрение китайского опыта, в котором на передний план выводится не разрыв и преодоление прошлого, а преемственность, когда в одном ряду оказываются и Цинь Шихуанди, и Мао Цзэдун, может оказаться важным для понимания причин, по которым в современной России похожая официальная стратегия не стала основой для общественного консенсуса, а, напротив, дискредитировала себя.

Сравнительный аспект книги Николая Эппле также демонстрирует, что политический террор сталинского периода не был уникальным явлением в истории XX века, что его можно рассматривать как темную сторону глобальных процессов модерности. Государственные преступления совершались в разных странах и по разным поводам и, хотя большевистская идеология формировала обоснования террора, сама она не была обязательным условием для системного насилия со стороны властных институтов. Следует сказать также, что подзаголовок книги, в котором фигурирует понятие «государственное преступление», позволяет поставить вопрос гораздо шире, чем это обозначено в тексте. Является «государственное преступление» юридической или морально-нравственной категорией? Представляется, что понятие «государственное преступление» может служить ярким публицистическим образом, позволяющим увеличить продажи книги, но неудачной аналитической категорией, которую крайне сложно определить и концептуализировать. Но тут может сработать обратный эффект – если понятие «государственное преступление» оказывается неподходящим, чем его можно заменить? И ответ на этот вопрос может стать отдельным исследованием.

Поскольку Николай Эппле принципиально не ставил себя в позицию «академического объективизма» (сама возможность которого нуждается в проблематизации), он позволяет себе сформулировать возможную программу «переосмысления прошлого» и высказывает мысль о том, что идея «обнуления» прошлого, если она исходит не от жертв государственного преступления, а от самого государства или сил, считающих себя его наследниками, приводит к тому, что травма маскируется, а не исцеляется. По мнению автора,

российская модель подведения черты и переосмысления прошлого, учитывающая российскую специфику, должна удовлетворять следующим условиям: 1. Основой этого процесса должен быть взгляд на проблему изнутри, а не «нюнбернская модель». 2. Этот процесс должен предполагать прежде всего разговор об ответственности, а не осуждение преступников (в силу того, что преступников просто нет в живых). 3. Это должен быть процесс, максимально вовлекающий самые разные общественные и политические силы. А значит, он должен быть выгодным для этих сил, позволять им выработать единую договорную позицию об отношении к прошлому. 4. Этот процесс должен предполагать максимальную публикацию информации о преступлениях прошлого (Эппле 2020:476).

Своеобразной альтернативой программе Эппле является позиция, высказанная в книге Ирины Флиге «Сандормох: драматургия смыслов» (2019) и на странице проекта «Расследование Карагодина» (karagodin.org). Эти авторы, напротив, видят единственную возможность проработки прошлого в том, чтобы найти и назвать палачей, даже если они и умерли. Как отмечает Денис Карагодин, занимающийся расследованием обстоятельств гибели своего деда, одной из основных целей его проекта является «привлечь к [уголовной] ответственности (в процессуальном порядке, на основе актуального законодательства) всех лиц, виновных и причастных к его убийству».

Важной частью концепции отношения к советскому прошлому для Николая Эппле является борьба за единое понимание советской системы. По мнению автора, советская диктатура была бесчеловечным государственным устройством, экономическая модель СССР – неэффективной; советская идеология – преступной, советская действительность держалась на лжи и двоемыслии, возведенных в систему, а развал СССР был закономерным (Эппле 2020:509–511). На наш взгляд, такая категоричность тезисов вряд ли позволит им стать основой для широкого общественного диалога об осмыслении советского прошлого, поскольку практически полностью отсекает возможность поиска позитивных аспектов советской действительности, что важно не только для читателей, с ностальгией обращающихся к советскому прошлому, но и для значительной части исследователей, которые, вслед за Алексеем Юрчаком (2014:38–41), пытаются уйти от бинарных оппозиций в изучении советской истории. При этом использование сравнительного анализа в осмыслении советского прошлого позволяет преодолеть доминирование «нюнбернской модели» работы с исторической памятью и открыть новые перспективы и темы в этом вопросе.

«ПОСТОЯНСТВО» ПАМЯТИ: ТЕКУЧЕСТЬ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Если в центре книги Николая Эппле лежит размышление о месте политических репрессий в исторической памяти россиян, то в сборнике под редакцией Михаила Габовича «Памятник и праздник: этнография Дня Победы» (2020) предлагается иная перспектива анализа исторической памяти о войне¹⁰. В противовес исследованиям памяти о войне в контексте исторической политики, который доминировал в текстах сборника «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа», редактором которого также выступил Михаил Габович, в этой книге фокусом исследования становятся разворачивающиеся в конкретных местах коммеморативные практики, связанные с Днем Победы. В один день, 9 мая 2013 года, в разных городах – от Сортавалы до Софии и от Грозного до Берлина – проводились полевые исследования того, как люди празднуют День Победы. Составителю и авторам сборника важно показать этапы жизни «мест памяти», от первоначальных замыслов до современного переосмысления и формирования низовых практик: «Ведь именно памятники физически структурируют эти пространства и являются точками притяжения для совершающихся праздничных ритуалов: шествий, прогулок, возложений цветов, посещений кладбищ, траурных церемоний, поздравлений ветеранов, взаимного фотографирования, пения хором и в одиночку, театрализованных представлений, политических митингов, концертов либо прочих увеселительных мероприятий и демонстрации праздничных атрибутов – от орденов до георгиевских ленточек» (Габович 2020:9). Таким образом, сборник предлагает отойти от анализов текстов, в которых формулируется историческая политика, и перейти к анализу многообразия практик. Если традиционный подход к анализу текстов про память уходит корнями в филологию и историю, то в этом сборнике основным методом оказывается этнография/антропология. При этом различные группы населения получают в текстах исследователей агентность, ибо в рамках традиционной модели население преимущественно рассматривается как объект влияния различных властных институтов.

Михаил Габович давно и плодотворно занимается этой темой, и помимо обсуждаемого сборника им было подготовлено несколько различных книг, посвященных исследованию памяти о войне (Габович 2005; Gabowitsch 2017; Gabowitsch, Gdaniec, and Makhotina 2017). При этом, если другие исследователи исторической памяти сосредотачивают свое внимание преимущественно на различного рода нарративных текстах, теоретическая рамка рассматриваемой книги стремится объединить два тренда в гуманитарных дисциплинах: материальный и мемориальный поворот. Несмотря на то, что Пьер Нора с «местами памяти» прочно обосновался в «пантеоне» обязательных ссылок, в реальной практике попыток осмыслить материальное воплощение памяти в России было не так уж много – можно вспомнить проект Жоржа Нива о «географии русской памяти» (Nivat 2007) или

¹⁰ Симптоматично, что этот сборник был выпущен руководимым Сергеем Эрлихом издательством «Нестор-История», которое в последние годы вносит существенный вклад в развитие исследований памяти в России.

книгу Ирины Каспэ (2018), в одной из глав которой как место памяти осмысляется Пискаревское кладбище. В проекте «Памятник и праздник» акцент делался прежде всего на фиксацию и осмысление низовых практик, хотя анализ официальных материалов тоже входил в задачи исследования. Важно отметить: материал сборника показывает, что памятники являются не просто местами памяти, но местами, где память формируется и производится. Пространство памятника оказывается сложной структурой, в которой переплетается материальность, практики, идентичность, и из всего этого вырастает память в локальном контексте.

Полевой этап сбора материала проходил в 2013 году, до начала российско-украинского конфликта, что позволяет проверить идею о существенной трансформации Дня Победы после 2014 года. Сам же сборник увидел свет через семь лет. Такая дистанция, с одной стороны, сделала анализ отчасти неактуальным, однако позволила зафиксировать и отрефлексировать определенную ситуацию в исторической памяти в разных регионах. Так, ряд авторов сборника написали к своим статьям специальные послесловия, раскрывающие трансформацию авторских взглядов. Такая ситуация крайне редка для академических статей, поскольку профессиональные стандарты диктуют нам идею законченного текста, и возможность вернуться и посмотреть на него заново возникает редко. Конечно, хотелось бы увидеть продолжение этого проекта и сравнение ситуации с праздником и памятниками уже в современных условиях на фоне обострения как войн памяти, так и непосредственно вооруженных конфликтов.

Разноплановость проекта создает эффект ассамбляжа, где можно увидеть, как разные авторы по-разному решают поставленную перед ними задачу, и если рассматривать сборник в том числе как методологический текст, можно существенным образом расширить собственный исследовательский инструментарий. При этом такая гетерогенность в осмыслении памяти о советском позволяет показать, что существует множество акторов политики памяти, а стремление найти некий универсальный ответ или решение приводит к очень сильной редукции проблемного поля.

Основной акцент всех текстов сборника строится на выявлении переплетения локального контекста, актуальной политической повестки, идентичности разных групп и материальных аспектах памятников и пространств. Следуя за Мишелем де Серто, авторы текстов показывают, как люди могут изменять официальные культурные коды и адаптировать официальный День Победы к своим ожиданиям. Сама структура сборника выстроена по географическому принципу и разбита на три части: «Россия», «Постсоветское пространство» и «За пределами бывшего СССР». Нельзя назвать выбор определенных регионов минусом сборника, но во время чтения постоянно возникает желание расширить географию и узнать о том, как празднуют 9 мая, помимо Вены и Берлина, в Иерусалиме или Нью-Йорке, а внутри России посмотреть не только на крупные города, но и на небольшие населенные пункты (исключением, позволяющим это сделать, является статья Анны Юдкиной о поселке Первомайское Тульской области).

Можно выделить несколько статей, на которые, по нашему мнению, стоит обратить особое внимание. Это уже упомянутая статья Анны Юдкиной «Памятник без

памяти”: первый Вечный огонь в СССР». Автор рассказывает историю Вечного огня в поселке Первомайское Тульской области, который зажгли в 1955 году – на два года раньше, чем на Марсовом поле в Ленинграде. Другая работа – статья «Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая», в которой Ольга Резникова рассматривает столкновения разных версий памяти в Чечне, поскольку в 2011 году День траура чеченского народа был перенесен с 23 февраля на 10 мая, что приводит к наложению разных мемориальных культур друг на друга и внутренним конфликтам в чеченском обществе. Еще одним важным текстом нам кажется статья «Святой остров Трептов: постмигрантские и трансграничные военно-мемориальные практики в современном Берлине», в которой Михаил Габович на основе многолетних полевых наблюдений описывает, как в современном Берлине существует мемориальное пространство, спроектированное советскими властями под определенные коммеморативные практики, и как разные люди его символически присваивают.

Почему из всех статей сборника мы решили обратить внимание именно на эти три текста? На наш взгляд, они позволяют наметить пути развития исследования памяти, которые все еще слабо представлены в русскоязычной академической сфере и могут выступить примерами расширения поля исследования. Анна Юдкина показывает на своем материале, как можно объединить антропологическую и архивную работу. Идея о повороте к архиву активно обсуждается в мировой антропологии. Современные исследователи стремятся получить материалы не только непосредственно в поле, но и методом анализа документов, более привычным для исторической практики. Ольга Резникова включает в исследование памяти постколониальную оптику. Постколониальная рамка в гуманитарных исследованиях в России имеет сложную судьбу и является еще более маргинальным направлением, чем *memory studies*. Однако необходимость включения в широкие академические дискуссии и даже общественный запрос рано или поздно актуализируют осмысление памяти не только как универсальной категории, а как локального феномена, окрашенного региональными и национальными факторами. Михаил Габович показывает, как может быть оформлен дизайн исследования, фокусирующегося на изучении разнообразия практик, многие из которых являются вернакулярными и не оформляются в виде фиксируемых текстов. Синтез архива и поля, постколониальная оптика и внимание к разнообразным практикам, на наш взгляд, могут существенным образом обогатить методологический инструментарий российских исследователей памяти и расширить тематические поля.

Парадоксальным образом после 2022 года сборник «Памятник и праздник» приобретает дополнительную актуальность. Тексты сборника зафиксировали состояние коммеморации Дня Победы до 2014 года. Это позволяет увидеть, насколько изменение политического курса российского режима оказало или не оказало влияние на праздник. Очевидно, что после 2022 года празднование 9 мая как внутри России, так и за ее пределами претерпит существенную трансформацию, и поэтому сборник может играть роль своеобразной точки отсчета для дальнейших исследований. Так, анализу празднования Дня Победы в городах России и Украи-

ны в новых условиях была посвящена серия репортажей, опубликованных в мае 2022 года интернет-изданием «Медуза»¹¹.

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ: КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Общая цель авторов коллективной монографии под редакцией Алексея Миллера и Дмитрия Ефременко (2020) – зафиксировать и осмыслить произошедший в memory studies поворот и проанализировать его связь с политическими реформами в Восточной Европе и России – позволила объединить под одной обложкой исследования различных проблем современной политики памяти в республиках бывшего Советского Союза: России, Белоруссии, Украине и Молдове. Особенно стоит отметить раздел, посвященный политике памяти в непризнанных на момент издания книги государственных формированиях на постсоветском пространстве, – до сих пор историческая политика Приднестровской Молдавской республики, Донецкой и Луганской Народных Республик не становилась объектом изучения memory studies, притом что аргументация «от истории» занимает заметное место в их политической мифологии. Работы Елены Бабкиной, Александра Вороновича и Анастасии Фелькер заполняют эту лакуну. Несмотря на то, что книга представляет собой не монографию, а сборник, изданный по итогам конференции, нельзя не оценить масштабность предпринятой попытки описать мемориальный ландшафт постсоветской России и ее соседей¹².

Значительная часть глав монографии посвящена анализу конфликтных интерпретаций событий прошлого и того, какую роль играют в них государственные институты, общественные организации, медиа и отдельные публичные фигуры. Многообразие стратегий «мнемонических акторов» во многом объясняется теми политическими изменениями, которые происходили на территории Восточной Европы с начала XXI века. Концепцию коллективной монографии под редакцией Миллера и Ефременко можно воспринимать как антипод концепции Михаила Габовича, поскольку на первый план выведены не низовые мемориальные инициативы, а мнемонические институты и политика памяти. Их анализ, проводимый во введении одним из редакторов монографии Алексеем Миллером, не только детально воссоздает контекст, но и показывает, что вопрос, который часто задается исследователям политики памяти: может ли историк, изучающий историческую политику / политику памяти, сохранить независимую исследовательскую позицию, – должен быть как минимум переформулирован.

¹¹ 26 января 2023 года Генеральная прокуратура РФ признала деятельность SIA Medusa Project нежелательной на территории России. SIA Medusa Project также признано Министерством юстиции средством массовой информации – иностранным агентом (дата включения в реестр – 23 апреля 2022 г.).

¹² Важно отметить, что Алексей Миллер долгое время занимался изучением проблематики наций и национализма, а сегодня выступает руководителем одного из научных центров, специализирующихся на исследованиях памяти, – Центра изучения культурной памяти и символической политики в ЕУСПб.

Если во время знаменитого спора германских историков термин «историческая политика» использовался для критики попыток политических деятелей использовать конфликтные интерпретации исторических событий для достижения конкретных политических целей, то с начала XXI века он все реже используется в негативном ключе. Сначала в Польше, а потом и в других странах Восточной Европы «историческая политика» означает комплекс мер и институтов, связанных с изучением, преподаванием и популяризацией прошлого и используемых правительствами и политическими партиями в реализации своих политических программ. Такой подход противоречит идеям «критического патриотизма» и наднационального консенсуса относительно сложных страниц общеевропейского прошлого, поиском которого были обеспокоены западноевропейские интеллектуалы 1980–1990-х. Как отмечает Миллер, ссылаясь на идеи Джеффри Олика, «акты коммеморации не только подтверждают наличие [социальной] группы, но и конструируют группу» (Ефременко и Миллер 2020:12).

Таковыми конституируемыми социальными группами в качестве объекта анализа в статьях сборника выступают национальные общности, региональные сообщества и объединения людей, разделяющих определенные политические или религиозные идеи. Наиболее интересными представляются те работы, которые анализируют дискурсивные модели и конкурирующие практики различных меморических акторов при мемориализации одних и тех же событий. Так, несколько глав сборника посвящены конкуренции светских и религиозных практик коммеморации жертв государственного террора и военных преступлений в России и странах Восточной Европы. Марлен Ларюэль в своей статье «Политика памяти Русской православной церкви: реабилитируя, перехватывая, возвращая» во многом развивает идею Зузанны Богумил (2010) о конкуренции светской и церковной моделей поминовения жертв сталинских репрессий. С этой точки зрения, Русская православная церковь (РПЦ), используя свой растущий авторитет и вступая в альянс с государственной властью, подменяет демократический нарратив о преступлениях советского режима консервативными идеями сильного государства, которое искупительной жертвой новомучеников «проработало» преступную большевистскую идеологию. Для Ларюэль меморическая активность РПЦ является примером ликвидации гражданских свобод в России: церковь, по ее мнению, «использовала свой символический капитал для усиления мертвой хватки на теле российского общества» (Ефременко и Миллер 2020:141). Можно соглашаться или нет с антиклерикальным пафосом этой главы, однако критики заслуживает предельный схематизм в анализе РПЦ как меморического института. Ларюэль справедливо отмечает «проникновение [церкви] в государственные институты» (123), но практически не касается сюжетов, связанных с легитимацией государственной исторической политики РФ через обращение к сюжетам церковной истории (Крещение Руси, образы святых-воинов). Несмотря на то, что автор упоминает «внутреннюю полифонию голосов» (126) внутри РПЦ, она не идет дальше обозначения идеологизированных церковных «субкультур», в то время как даже о формах и смысле мемориализации новомучеников среди иерархов, клириков и прихожан РПЦ нет единого мнения (Семененко-Басин 2010). Так, практики и риторика Пре-

ображенского содружества малых братств, ежегодно проводящих «Молитву памяти» в День памяти жертв политических репрессий, разительно отличаются от традиций и воззрений участников крестных ходов в память об убитой семье императора Николая II (*Из опыта новомучеников* 2011).

В какой-то мере схематизм Марлен Ларюэль компенсируется материалами главы «Конфессиональный музей как институт политики памяти», подготовленной Даниилом Аникиным. Рассматривая конфессиональные музеи разных городов России, он отмечает, что роль церкви как мнемонического актора не сводится к риторическому обеспечению государственной исторической политики или к реализации политических амбиций иерархов РПЦ, но может принимать формы музея, посвященного отдельному герою или событию, или галереи памятников иконописи. Многое зависит от личности организатора музея и его «куратора», а также от того, на каком уровне (епархия / отдельная церковь или монастырь) он был создан (Ефременко и Миллер 2020:168).

Еще более нюансированную картину взаимоотношения церкви, государства и общества предлагает Екатерина Махотина в главе «Религиозный язык памяти: Россия в европейском контексте». Отказываясь от анализа взаимоотношений институтов в пользу реконструкции языка, который они используют в коммеморативных практиках, она демонстрирует, что религиозная символика, в частности погребальные кресты, до сих пор остаются универсальным «языком памяти» и в России, и в европейских странах (Ефременко и Миллер 2020:156–158). Анализ восточноевропейских ритуалов поминовения эпохи социализма и по окончании этого периода показывает, что православный/католический крест может быть переозначен и использован как внеконфессиональный символ памяти и скорби. Более того, использование христианской символики в скорбных ритуалах в странах Восточной Европы позволяло и позволяет до сих пор избегать обращения к гражданским ритуалам эпохи социализма, а также конфликтов между представителями различных групп поминающих. Важным выводом Екатерины Махотиной, который противоречит категоричным тезисам Марлен Ларюэль, является то, что конфессиональные практики поминовения необязательно ведут к разделению общества и обострению гражданских конфликтов, а напротив, могут становиться универсальным «языком памяти».

Присутствие в коллективной монографии под редакцией Алексея Миллера статей с противоположными исследовательскими установками только подчеркивает основную идею составителей книги: если проблематика коллективной памяти становится частью сферы политического, сложно представить нейтральную позицию, которую мог бы занять историк, занимающийся *memory studies*. Он или она обязательно окажется по одну из сторон мнемонического конфликта. В таком случае эти конфликты, участвующие в них акторы, создаваемые ими нарративы и используемые стратегии и должны становиться объектом изучения исследователя исторической памяти / исторической политики. Убедительный вариант того, как можно работать со сложными конфигурациями мнемонических стратегий, демонстрирует Ольга Малинова, предлагая концептуальную рамку «режимов памяти». Если в начале 2010-х можно было утверждать, что по вопросу о сталинских ре-

прессиях «сформулированы две противоположные позиции, вокруг каждой из [которых] может сформироваться коалиция политических сил» (Миллер 2012:355), но при этом спектр мнений и состав акторов исторической политики гораздо шире, то в начале нового десятилетия все труднее предположить, что не существует претендующей на монополию «официальной государственной позиции» по вопросам исторической памяти. В текущей ситуации важность сборника под редакцией Алексея Миллера еще связана со вниманием к конфликтности в сфере памяти. Космополитическая модель, которая была выработана в странах Западной Европы по итогам Второй мировой войны, оказалась мало подходящей для переноса на территорию Восточной Европы. После 2014-го и, тем более, после 2022 года вообще трудно представить себе модель, которая могла бы стать основой для консенсуса между Европой и Россией. Можно даже говорить, что произошел переход от космополитической к антагонистической модели.

Растущая поляризация общественных дискурсов об истории, основанная на допущении «лживого» и «верного» образов прошлого, может привести к выхолащиванию публичных дискуссий, в том числе академических. Вступая в обсуждение острых вопросов истории, академические историки и политики, журналисты и их читатели становятся участниками «войн памяти». Очевидно, что нарастание политической напряженности и внутри, и за пределами России будет только усиливать ожесточенность «битв за историю». Так, ясная артикуляция политических взглядов будет истолкована как «партийность», стремление к объективности и непредвзятости – как чрезмерная осторожность, а попытка представить конфликт интерпретаций прошлого как многосторонний – как уточнение незначительных деталей. Можно предположить, что в стремлении сохранить чистоту мундира часть академических историков будут стараться избежать участия в подобных дискуссиях, предоставляя право выступать экспертами людям, не имеющим на это профессиональных оснований.

Несмотря на искушение найти убежище от войн памяти в своеобразной Касталии, где можно заниматься «чистой наукой», современный «общественный запрос» на историю будет подталкивать академических исследователей расширять свою аудиторию. И здесь мы видим опасное столкновение этого движения с тенденцией к усилению государственного контроля над публичным пространством в России. Поэтому, к сожалению, нельзя исключать новых случаев ограничения возможности публичного высказывания на исторические и коммеморативные темы: от закрытия публичных площадок и увольнений до административного и уголовного преследования исследователей, публицистов и общественных активистов.

Вряд ли в обозримом будущем возможна и выработка общественного консенсуса по вопросу оценки советского прошлого – отечественная история XX века представляется слишком сильно связанной с текущими политическими процессами, и аргументы от истории будут использоваться для легитимации противоположных идеологических программ. Вряд ли кто-то сейчас сможет с точностью определить, каким образом будет развиваться авторитетный дискурс о прошлом в целом и о советском в частности, но нет сомнений, что поиски истоков нынешнего международного кризиса, равно как и проведение исторических параллелей бу-

дуг способствовать остроте общественного обсуждения истории Украины и России. Тем не менее можно предположить усиление внимания в российской исторической науке к национальным историографиям советского прошлого стран бывшего СССР и социалистического блока. Отказ от представления об «эпохе социализма» как об общем прошлом государств, прошедших эту «общественно-экономическую формацию», уже произошедший в странах Центральной и Восточной Европы и в части «бывших советских республик», можно ожидать и в России. Историографическая тенденция преодоления «москвоцентричности» советской истории будет неизбежно вступать в противоречие с официально поощряемой идеей о континуитете истории Российского государства от IX до XXI века.

Подводя итог анализа выбранных книг, на наш взгляд, можно зафиксировать характеристики, которые определили роль историков, занимающихся проблемами памяти, в пространстве публичных дискуссий к началу 2022 года: 1) выход *memory studies* за пределы академического сообщества в более широкий общественный контекст, вследствие чего происходит переход от истории памяти к публичной истории, а сами авторы работ из аналитиков становятся участниками формирования исторической политики; 2) появление больших коллективных проектов, которые позволяют охватить обширную географию памяти и тем самым зафиксировать и показать значимость локальной специфики коммеморативных практик; 3) преодоление замкнутости рефлексии о памяти в рамках национальных границ и формирование компаративистских исследований; 4) отказ от поиска универсальной модели памяти и признание внутренней дифференцированности поля. На первый план выходят вопросы агентности и институциональных контекстов, а не формирования политики памяти. Важно понять, кто и как участвует в процессе формирования памяти, а не то, что в итоге у них получится или не получится.

Очевидно, что 2022 год стал переломным не только во внешней и внутренней, но и в исторической политике России. В сложных условиях пересмотра сложившихся историографических формул, с одной стороны, и принуждения к консенсусу о прошлом – с другой, будет вынуждена развиваться и академическая, и публичная история. Единственное, что вселяет некоторую надежду – это почерпнутое из исследований, сопоставляющих исторический и мемориальный опыт России и работу с памятью, которая происходила или до сих пор происходит в других странах, понимание того, что «трудное прошлое» не является ни проклятием одной страны, ни неразрешимой проблемой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богумил, Зузанна. 2010. «Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе». *Неприкосновенный запас* 3:11–29.
- Бурдые, Пьер. [1997] 2001. «Клиническая социология поля науки». С. 49–95 в *Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Буртин, Шура. 2017. «Дело Хоттабыча». *Русский репортер* 8(425), 26 мая. https://expert.ru/russian_reporter/2017/08/delo-hottabyicha.
- Воронина, Татьяна. 2018. *Помнить по-нашему. Соцреалистический историзм и блокада Ленинграда*. М.: Новое литературное обозрение.

- «Выступления сторон в прениях по ликвидации Международного Мемориала». 2021. Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», 28 декабря. <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/international/news/666>.
- Габович, Михаил, ред. 2005. *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение.
- Габович, Михаил, ред. 2020. *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*. СПб.: Нестор-История.
- Герасимов, Илья, Марина Могильнер и Александр Семенов, ред. 2011. *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. М.: Новое издательство.
- Гудков, Лев. 2005. «“Память” о войне и массовая идентичность россиян». *Неприкосновенный запас* 5:83–103.
- Еремеева, Светлана. 2021. *Память: поле битвы или поле жатвы?* М.: Дело.
- Ефременко, Дмитрий и Алексей Миллер, ред. 2020. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Из опыта новомучеников и исповедников российских: материалы семинаров*. 2011. М.: Культурно-просветительский центр «Преображение».
- Каспэ, Ирина. 2018. *В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: Новое литературное обозрение.
- Копосов, Николай. 2011. *Память строгого режима: история и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.
- Курилла, Иван. 2022. *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. М.: Альпина Паблишер.
- Мартин, Барбара и Антон Свешников, сост. 2017. *Исторический сборник «Память». Исследования и материалы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Махотина, Екатерина. 2020. *Преломления памяти. Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Мельникова, Екатерина. 2019. «Блокада как общее место публичных споров». *Неприкосновенный запас* 6:142–156.
- Мерридейл, Кэтрин. [2001] 2019. *Каменная ночь: Смерть и память в России XX века*. М.: Corpus.
- Миллер, Алексей. 2012. «Историческая политика в России: новый поворот?» С. 7–32 в *Историческая политика в XXI веке*, под ред. Алексея Миллера и Мари Липман. М.: Новое литературное обозрение.
- Миллер, Алексей. 2016. «Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти». *Полития* 80(1):111–121.
- Молотов, Кирилл, Алиса Максимова и Дарья Хлевнюк. 2021. «Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях». *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* 5:92–117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1965>.
- Николаи, Федор. 2021. «Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти». *Новое литературное обозрение* 1:305–314.
- «После конференции о памяти 1990-х: диалог». 2021. *Tempus et Memoria* 2(3):6–12.
- Репина, Лорина, ред. 2003. *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М.: Кругъ.
- Репина, Лорина, ред. 2006. *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени*. М.: Кругъ.
- Репина, Лорина, ред. 2007. *Время – История – Память: Историческое сознание в пространстве культуры*. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Репина, Лорина, ред. 2010. *Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад*. М.: Кругъ.
- Ростовцев, Евгений. 2018. «Российская наука об устной истории». *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 63(2):522–545. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213>.

- Сафронова, Юлия. [2019] 2020. *Историческая память: введение: учебное пособие*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Семенов-Басин, Илья. 2010. «Канонизация российских новомучеников и новые проблемы истории Церкви». *Государство, религия, церковь в России и за рубежом* 4:138–143.
- Степанова, Мария. 2017. *Памяти памяти. Романс*. М.: Новое издательство.
- Флиге, Ирина. 2019. *Сандормох: драматургия смыслов*. СПб.: Нестор-История.
- Чуйкина, Софья. 2006. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград 1920–30-е годы)*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Щеглова, Татьяна. 2017. «Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории». С. 60–106 в *Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей, Ижевск, 2–6 июля 2017 года*, отв. ред. Татьяна Щеглова. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет.
- Эппле, Николай. 2020. *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд, Александр. 2016. *Кривое горе: память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.
- Юрчак, Алексей. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Gabowitsch, Mischa, ed. 2017. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave.
- Gabowitsch, Mischa, Cordula Gdaniec, and Ekaterina Makhotina, eds. 2017. *Kriegsgedenken als Event: Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa*. Paderborn, Germany: Ferdinand Schöningh.
- Nivat, Georges, ed. 2007. *Les sites de la mémoire russe*. Vol. 1, *Géographie de la mémoire russe*. Paris: Fayard.
- Smith, Kathleen. 1996. *Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

K NIGHT AT THE CROSSROADS: RUSSIAN MEMORY STUDIES FROM 2010s TO 2020s

Aleksandr Fokin, Dmitry Kozlov

Aleksandr Fokin, School of Environmental and Social Studies, Tyumen State University. Address for correspondence: TSU, ul. Przheval'skogo, 37/1, Tyumen, 625023, Russia. a.a.fokin@utmn.ru.

Dmitry Kozlov, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, HSE University. Address for correspondence: HSE, Staraya Basmannaia ul., 21/4-A, Moscow, 105066, Russia. dskozlov@hse.ru.

The writing of this article was supported by the "Mirror Laboratories" program (project "Late/Post Soviet: Values, Practices, Actors" carried out by the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities [HSE University, Moscow] and School of Environmental and Social Studies [Tyumen State University])

and by the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-09-00218 "Practices of Interaction of Power and Society in the Late Soviet Period (1956–1985)."

The essay explores the transformation of memory studies in Russia from the 1980s until present day. It focuses on its intersections with oral history, new imperial history, and new intellectual history, and its key question is how academic historians in contemporary Russia redefine their role in public discussions of the Soviet past under the conditions of the "memory boom," which in Russian context is characterized by the high level of public attention to two major "difficult questions of the past"—the Great Patriotic War and political repressions in the Soviet Union. The essay investigates these questions through the analysis of several recently published monographs on historical memory and politics of history.

Specifically, this essay looks at three books: *An Inconvenient Past: Remembering State Crimes in Russia and Other Countries* (by Nikolai Eppe); *Monument and Celebration: The Ethnography of Victory Day* (edited by Mischa Gabowitsch); and *Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern European Countries: Actors, Institutions, Narratives* (edited by Aleksei Miller and Dmitrii Efremenko). These books, in our view, most vividly demonstrate how the professional community of Russian historians has redefined its role in the space of public debate. Using the metaphor of the "knight at the crossroads," our analysis aims to show that we are facing three models not only of academic debate about approaches to memory studies but also of the transformation of researchers into actors of the politics of history.

From the analysis of these books, we discern several trends with which, by the beginning of 2022, the memory studies community has defined its role in the space of public debate: (1) memory studies is moving outside of the academic community into a wider public context, whereby the transition from history of memory to public history is taking place and the authors of the works themselves become actors in policymaking related to history; (2) large collective projects are emerging, which allow to cover a vast geography of memory and thus record and show the significance of local specificity of commemorative practices; (3) closure of memory reflection within national borders is being overcome, and instead comparative studies are emerging; (4) rejecting the search for a universal model of memory and recognizing the intrinsic differentiation of the field.

Keywords: Great Patriotic War; Historical Memory; Historical Policy; "Memory Boom"; Memory Studies; Public History; Soviet History; Soviet Political Repressions

REFERENCES

- Bogumil, Zuzanna. 2010. "Kresty i kamni: Solovetskie simvoly v konstruirovanii pamiati o GULAGE." *Neprikosnovennyi zapas* 3:11–29.
- Bourdieu, Pierre. [1997] 2001. "Klinicheskaia sotsiologiya polia nauki." Pp. 49–95 in *Sotsioanaliz P'era Burd'e: Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk*. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii.
- Burtin, Shura. 2017. "Delo Khottabycha." *Russkii reporter* 8(425), May 26. https://expert.ru/russian_reporter/2017/08/delo-hottabycha.
- Efremenko, Dmitrii, and Aleksei Miller, eds. 2020. *Politika pamiati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: Aktory, instituty, narrativy*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Eppe, Nikolai. 2020. *Neudobnoe proshloe: Pamiat' o gosudarstvennykh prestupleniakh v Rossii i drugih stranakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Eremeeva, Svetlana. 2021. *Pamiat': Pole bitvy ili pole zhatvy?* Moscow: Delo.
- Etkind, Alexander. 2016. *Krivoie gore: Pamiat' o nepogrebennykh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Flige, Irina. 2019. *Sandormokh: Dramaturgiia smyslov*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Gabowitsch, Mischa, ed. 2005. *Pamiat' o voine 60 let spustia: Rossiia, Germaniia, Evropa*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gabowitsch, Mischa, ed. 2017. *Replicating Atonement: Foreign Models in the Commemoration of Atrocities*. London: Palgrave.
- Gabowitsch, Mischa, ed. 2020. *Pamiatnik i prazdnik: Etnografiia Dnia Pobedy*. Saint Petersburg, Russia: Nestor-Istoriia.
- Gabowitsch, Mischa, Cordula Gdaniec, and Ekaterina Makhotina, eds. 2017. *Kriegsgedenken als Event: Der 9. Mai 2015 im postsozialistischen Europa*. Paderborn, Germany: Ferdinand Schöningh.
- Gerasimov, Ilya, Marina Mogilner, and Alexander Semyonov, eds. 2011. *Imperiia i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Gudkov, Lev. 2005. "Pamiat' o voine i massovaia identichnost' rossiian." *Neprikosnovennyi zapas* 5:83–103.
- Iz opyta novomuchenikov i ispovednikov rossiiskikh: Materialy seminarov*. 2011. Moscow: Kul'turno-prosvetitel'skii tsentr "Preobrazhenie."
- Kaspe, Irina. 2018. *V soiuze s utopiei: Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoii kul'tury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koposov, Nikolai. 2011. *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kurilla, Ivan. 2022. *Bitva za proshloe: Kak politika meniaet istoriiu*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Makhotina, Ekaterina. 2020. *Prelomleniia pamiati: Vtoraia mirovaia voina v memorial'noi kul'ture sovetsoi i postsovetsoi Litvy*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Martin, Barbara, and Anton Sveshnikov, eds. 2017. *Istoricheskii sbornik "Pamiat'": Issledovaniia i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Melnikova, Ekaterina. 2019. "Blokada kak obshchee mesto publicnykh sporov." *Neprikosnovennyi zapas* 6:142–156.
- Merridale, Catherine. [2001] 2019. *Kamennaia noch': Smert' i pamiat' v Rossii XX veka*. Moscow: Corpus.
- Miller, Aleksei. 2012. "Istoricheskaiia politika v Rossii: Novyi povorot?" Pp. 7–32 in *Istoricheskaiia politika v XXI veke*, edited by Aleksei Miller and Mariia Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Miller, Aleksei. 2016. "Politika pamiati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuiu kul'turu pamiati." *Politiia* 80(1):111–121.
- Molotov, Kirill, Alisa Maksimova, and Daria Khlevniuk. 2021. "Sposoby konstruirovaniia ekspertnoi pozitsii v YouTube: Video populiarnykh blogerov-istorikov o stalinskikh repressiiakh." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 5:92–117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1965>.
- Nikolai, Fedor. 2021. "Rezhimy pamiati, natsional'nye narrativy i politiki identichnosti: Otkrytoe budushchee issledovaniia pamiati." *Novoe literaturnoe obozrenie* 1:305–314.
- Nivat, Georges, ed. 2007. *Les sites de la mémoire russe*. Vol. 1, *Géographie de la mémoire russe*. Paris: Fayard.
- "Posle konferentsii o pamiati 1990-kh: Dialog." 2021. *Tempus et Memoria* 2(3):6–12.
- Repina, Lorina, ed. 2003. *Obrazy proshlogo i kollektivnaia identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*. Moscow: Krug".
- Repina, Lorina, ed. 2006. *Istoriia i pamiat': Istoricheskaiia kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni*. Moscow: Krug".
- Repina, Lorina, ed. 2007. *Vremia—Istoriia—Pamiat': Istoricheskoe soznanie v prostranstve kul'tury*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN.
- Repina, Lorina, ed. 2010. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniia: Rossiia—Vostok—Zapad*. Moscow: Krug".
- Rostovtsev, Evgenii. 2018. "Rossiiskaia nauka ob ustnoi istorii." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* 63(2):522–545. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213>.

- Safronova, Iuliia. [2019] 2020. *Istoricheskaia pamiat': Vvedenie: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Semenenko-Basin, Ilya. 2010. "Kanonizatsiia rossiiskikh novomuchenikov i novye problemy istorii Tserkvi." *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 4:138–143.
- Shcheglova, Tat'iana. 2017. "Stanovlenie i razvitie rossiiskoi ustnoi istorii (oral history) v 1980–2010 gody v kontekste obshchestvenno-politicheskoi i nauchnoi zhizni Rossii i v sravnenii s mezhdunarodnymi traditsiiami ustnoi istorii." Pp. 60–106 in *Ustnaia istoriia v sovremennoi issledovatel'skoi praktike na postsovetskom prostranstve: Sbornik nauchnykh statei, Izhevsk, 2–6 iiulia 2017 goda*, edited by Tat'iana Shcheglova. Barnaul, Russia: Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet.
- Smith, Kathleen. 1996. *Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Stepanova, Mariia. 2017. *Pamiati pamiati: Romans*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Tchouikina, Sofia. 2006. *Dvorianskaia pamiat': "Byvshie" v sovetskom gorode (Leningrad 1920–30-e gody)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Voronina, Tatiana. 2018. *Pomnit' po-nashemu: Sotsrealisticheskii istorizm i blokada Leningrada*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- "Vystupleniia storon v preniakh po likvidatsii Mezhdunarodnogo Memoriala." 2021. Obshchestvo "Memorial," December 28. <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intememorial/news/666>.
- Yurchak, Alexei. 2014. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.